

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

БЛУЖДАЮЩИЕ
ОГОНЬКИ В ГОРОДЕ

Ганс Андерсен

Блуждающие огоньки в городе

«Public Domain»

1865

Андерсен Г. Х.

Блуждающие огоньки в городе / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1865

«Жил-был человек; он когда-то знал много-много новых сказок, но теперь запас их – по словам его – истощился. Сказка, которая является сама собою, не приходила больше и не стучалась к нему в двери. Почему? По правде-то сказать, он сам несколько лет не вспоминал о ней и не поджидал её к себе в гости. Да она, конечно, и не приходила: была война, и в стране несколько лет стояли плач и стон, как и всегда во время войны...»

© Андерсен Г. Х., 1865

© Public Domain, 1865

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Ганс Христиан Андерсен

Блуждающие огоньки в городе

Жил-был человек; он когда-то знал много-много новых сказок, но теперь запас их – по словам его – истощился. Сказка, которая является сама собою, не приходила больше и не стучалась к нему в двери. Почему? По правде-то сказать, он сам несколько лет не вспоминал о ней и не поджидал её к себе в гости. Да она, конечно, и не приходила: была война, и в стране несколько лет стояли плач и стон, как и всегда во время войны.

Аисты и ласточки вернулись из дальнего странствования, – они не думали ни о какой опасности; но явиться-то они явились, а гнёзд их не оказалось больше: они сторели вместе с домами. Границы страны были почти стёрты, неприятельские кони топтали древние могилы. Тяжёлые, печальные то были времена! Но и им пришёл конец.

Да, им пришёл конец, а сказка и не думала стучаться в те двери к сказочнику; и слуха о ней не было!

«Пожалуй, и сказкам пришёл конец, как многому другому!» вздыхал сказочник. «Но нет, сказка, ведь, бессмертна!»

Прошёл год с чем-то, и он стал тосковать.

«Неужели же сказка так и не придёт, никогда больше не постучится ко мне?» И она воскресла в его памяти, как живая. В каких только образах она ему не являлась! То в образе прелестной молодой девушки, олицетворённой весны, с сияющими, как глубокие лесные озёра, очами, увенчанной диким яминником, с буковою ветвью в руке. То в образе коробейника, который, открыв свой короб с товарами, развевал перед ним ленты, испещрённые стихами и преданиями старины. Милее же всего было ему её появление в образе старой, убелённой сединами бабушки, с большими, умными, светлыми глазами. Вот у неё так был запас рассказов о самых древнейших временах, куда древнее тех, когда принцессы ещё пряли на золотых прялках, а их сторожили драконы и змеи! И она передавала их так живо, что у слушателя темнело в глазах, а на полу рисовались кровавые пятна. Жутко было слушать, и всё-таки куда как занятно! Всё это было, ведь, так давно-давно!

«Неужели же она так-таки и не постучится больше?» спрашивал себя сказочник, не сводя взгляда с двери; под конец у него потемнело в глазах, а на полу замелькали чёрные пятна; он и сам не знал, что это – кровь или траурный креп, в который облеклась страна после тяжёлых, мрачных дней скорби.

Сидел он, сидел, и вдруг ему пришла мысль: а что, если сказка скрывается, как принцесса добрых старинных сказок, и ждёт, чтобы её разыскали? Найдут её, и она засияет новою красою, лучше прежнего!

«Кто знает! Может быть, она скрывается в брошенной соломинке, колеблющейся вон там, на краю колодца? Тише! Тише! Может быть, она спряталась в высохший цветок, что лежит в одной из этих больших книг на полке?»

Сказочник подошёл к полке и открыл одну из новейших, просветительных книг. Не тут ли сказка? Но там не было даже ни единого цветка, а только исследование о Гольгере Данске¹. Сказочник стал читать и прочёл, что история эта – плод фантазии одного французского монаха, роман, который потом взяли да перевели и «тиснули на датском языке», что Гольгера Данске вовсе и не существовало никогда, а, следовательно, он никогда и не появится опять, о чём мы поём и чему так охотно верим. Итак, Гольгер Данске, как и Вильгельм Телль, оказывался одним вымыслом! Всё это было изложено в книге с подобающею ученостью.

– Ну, а я во что верю, в то и верю! – сказал сказочник. – Без огня и дыма не бывает!

¹ Гольгер Данске, *Ожье Датчанин* – один из героев французских эпических сказаний, национальный герой Дании.

И он закрыл книгу, поставил её на полку и подошёл к живым цветам, стоявшим на подоконнике. Не тут ли спряталась сказка? Не в красном ли тюльпане с жёлтыми краешками, или, может быть, в свежей розе, или в яркой камелии? Но между цветами прятались только солнечные лучи, а не сказка.

«Цветы, росшие тут в тяжёлое скорбное время, были куда красивее, но их срезали все до единого, сплели из них венок и положили в гроб, который накрыли распущенным знаменем. Может быть, с теми цветами схоронили и сказку? Но цветы знали бы о том, самый гроб, самая земля почувствовали бы это! Об этом рассказала бы каждая пробившаяся из-под земли былинка! Нет, сказка умереть не может! Она бессмертна!.. А может быть, она и приходила сюда, стучалась в дверь, но кому было услышать её стук, кому было дело до неё? В то мрачное время и на весеннее солнышко-то смотрели чуть ли не с озлоблением, сердились, кажется, даже на щебетание пташек, на жизнерадостную зелень! Язык не поворачивался тогда пропеть хоть одну из старых, неувядающих народных песен; их схоронили вместе со многим, что было так дорого сердцу! Да, сказка отлично могла стучаться в двери, но никто не слышал этого стука, никто не пригласил её войти, она и ушла!

Пойти, поискать её!

За город! В лес, на берег моря!»

За городом стоит старый замок; стены сложены из красного кирпича, на башне развеваются флаги. В тонко-вырезной листве буквых деревьев поёт соловей, любясь на цветы яблони и думая, что перед ним розы. Летом здесь суетятся пчёлы, носясь гудящим роем вокруг своей царицы, а осенью бури рассказывают о дикой охоте, об увядающих и опадающих человеческих поколениях и листьях. На Рождество сюда доносится с моря пение диких лебедей, а в самом старом доме, у печки, в это время так уютно, так приятно сидеть и слушать сказки и предания!

В нижней, старой части сада находилась каштановая аллея, так и манившая своим полумраком. Туда-то и направился сказочник. Здесь некогда прогудел ему ветер о *Вальдемаре До и его дочерях*, а Дриада, обитавшая в дереве – это и была сама бабушка-сказка – рассказала *последний сон старого дуба*. Во времена прабабушки здесь росли подстриженные кусты, теперь же – только папоротник да крапива. Они разрослись над валявшимися тут обломками старых каменных статуй. Глаза статуй заросли мхом, но видели они не хуже прежнего, а вот сказочник так и здесь не увидел сказки.

Куда же, однако, она девалась?

Высоко над головой его и старыми деревьями носились стаи ворон и каркали: Кра-кра! Прочь! Прочь!

Он и ушёл из сада на вал, окружавший дом, а оттуда – в ольховую рощу. Здесь стоял шестиугольный домик, при котором был птичий двор. В горнице сидела старуха, смотревшая за птицею; у неё было на счету каждое снесённое яйцо, каждый вылупившийся цыплёнок, но всё-таки она не была сказкой, которую разыскивал наш сказочник, – на это у неё имелись доказательства: метрическое свидетельство и свидетельство о привитии оспы; оба хранились в её сундуке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.